

Цырлин Виталий Александрович — доктор медицинских наук, профессор, академик РАЕН заведующий НИО экспериментальной и клинической фармакологии ФГУ «ФЦСКЭ им. В.А. Алмазова» Минздравсоцразвития России

Впервые о В.А. Алмазове я услышал в 1959 году, когда студентом 4-го курса I Ленинградского медицинского института им. акад. И.П. Павлова пришел на кафедру факультетской терапии. Он был аспирантом, и уже тогда о нем говорили как об очень талантливом молодом ученом. Познакомился же с Владимиром Андреевичем я позже, в году 1965–1966-м, когда работал на кафедре фармакологии I ЛМИ. Владимир Андреевич часто приходил на кафедру, где у него были друзья — Г.А. Денисова, Г.В. Ковалев, А.В. Вальдман, которого он считал одним из своих учителей. Уже тогда в нем поражала удивительная легкость общения с окружающими и открытость.

По-настоящему сблизился с Владимиром Андреевичем я в 1977 году, когда вместе с ним и Артуром Викторовичем Вальдманом мы начали писать книгу о нейрофармакологии гипотензивных средств. Для Владимира Андреевича это был не простой период. С 1972 года он заведовал кафедрой факультетской терапии, и под его руководством научная тематика исследований, проводимых на кафедре, начала расширяться. Патология кровообращения становилась главной темой работ многих молодых сотрудников и студентов, членов кружка СНО¹. Сам Владимир Андреевич сумел из гематолога вырасти в одного из авторитетнейших кардиологов страны.

Писали мы книгу очень дружно. Владимир Андреевич писал клиническую часть, я — экспериментальную. Написав свою часть главы, я приносил свой текст домой к Владимиру Андреевичу. Они с

Артуром Викторовичем жили на одной лестничной площадке. Сложив разделы главы, мы шли к Артуру Викторовичу, получали очередную порцию критики и начинали все переделывать. После переработки отдавали Артуру Викторовичу для окончательной редакции.

В 1980 году в Ленинграде был организован Институт кардиологии и Владимир Андреевич был назначен его директором. Назначение директором именно Владимира Андреевича широко обсуждалось кардиологами. Ведь в Ленинграде работали такие известные специалисты, как Ирина Ефимовна Ганелина, Макс Соломонович Кушаковский. Однако это решение было правильным, и спустя годы Макс Соломонович сам говорил, что Владимир Андреевич сумел объединить всех кардиологов, и его назначение на пост директора было абсолютно оправдано.

Институт создавался не просто. Первые 39 ставок, которые выделил Минздрав и которые город подтвердил лимитами, заполнялись медленно. Всего было организовано 3 отдела — организационно-методический, отдел экспериментальной кардиологии и клинической кардиологии. Появлялись новые сотрудники, укреплялись связи с клиническими отделениями — постепенно институт приобретал свои очертания. И душой этого становления был его основатель и директор.

С первых дней работы института Владимир Андреевич очень большое внимание уделял лечебной работе. Как правило, в институте он бывал по понедельникам, четвергам и пятницам. Остальные рабочие дни — на кафедре. Но иногда с утра он был в

институте во вторник или среду. На вопрос о том, чем это обусловлено, отвечал: «Я не успел сделать обход в двух палатах на отделении. Посмотрю больных и поеду на кафедру». Действительно, «Доктор» — в самом высоком смысле этой профессии.

В.А. Алмазов был блестящим лектором. Работе со студентами он придавал очень большое значение. Помню, как однажды он с утра был очень не похож на себя. Все время ходил по приемной и явно был обеспокоен. Я спросил его: «В чем дело, что Вы нервничаете?» — «В час у меня лекция для 6-го курса». — «Какая тема?» — спросил я. «Патогенез гипертонической болезни», — ответил он. «Но для Вас это не проблема». — «Да, конечно», — сказал Владимир Андреевич, — «... но им должно быть интересно». И это было отношение к лекции профессора, имеющего 35-летний опыт преподавания. Воистину «Университетский профессор».

Для всех окружающих было известно: суббота у Владимира Андреевича — библиотечный день. Погода, настроение, самочувствие — все это не имело значение. Нужно быть в курсе всех научных достижений. Этому он обучал и молодых сотрудников. Не случайно академик сам руководил и проводил заседания кружка СНО кафедры.

По своим человеческим качествам Владимир Андреевич был настоящим петербургским интеллигентом — доброжелательным, мудрым, контактным, очень простым и доступным в общении, внимательным к проблемам и заботам своих друзей, коллег и пациентов. Таким Владимир Андреевич и остался в памяти всех, кто его знал и любил.

¹ СНО — студенческое научное общество (Прим. ред.).

Недошивин Александр Олегович — ученый секретарь ФГУ «ФЦСКЭ им. В.А. Алмазова» Минздравсоцразвития России, д.м.н.

Владимир Андреевич являл собой уникальное сочетание увлеченного исследователя, внимательного клинициста-терапевта и мудрого учителя в одном лице. Так бывает, но очень редко. Особенно, если исследователь — академик, а учитель заведует самой большой кафедрой известного на всю страну института. Если же крупный ученый и администратор — мягкий, доброжелательный и деликатный человек, обладающий, однако, нестигаемой твердостью духа, которая отличает русского интеллигента в вопросах порядочности, то это — Владимир Андреевич Алмазов. Нам всем несказанно повезло провести молодость под его крылом.

Он все время работал и всю жизнь учился. Вставал рано утром и писал. По субботам неизменно работал в Публичной библиотеке.

А потом шел на английский. Будучи уже директором и академиком. По несколько раз правил рукописи статей и книжек, которые всегда писал от руки. К лекциям, которые читал студентам десятилетиями, всегда готовился, как впервые.

Ни разу не слышал, чтобы он повышал голос. Он никогда не забывал говорить коллегам «Спасибо Вам большое» и «Я Вас очень прошу». Простота и доброжелательность — неременная черта подлинного величия. Еще он часто приговаривал при встрече: «Ну, по-моему, все у нас так неплохо». Это уже не от простоты, а от душевной щедрости, от стремления вселить в окружающих оптимизм. Он был оптимистом всегда.

Владимир Андреевич не терпел в людях корыстолюбия и жадности. Если узнавал о коллеге, что тот не

чужд меркантильного отношения к профессии, он переставал для него существовать, мне так кажется. Поэтому что это «неприлично». Вообще мера возможного для достижения цели была для него очень важна. Для людей, для дела — одно, для себя — никогда. Планка нравственности стояла почти недостижимо высоко. Это — чисто российское, русское, чеховское, докторское, земское.

Народный депутат Алмазов вел прием на Малой Садовой. Люди приходили разные — большинство с проблемами, для решения которых нужен был всего-то толковый участковый врач. Он выслушивал каждого, бывало по часу и больше, и люди уходили от него счастливые.